

ИРИНА ГЛЕБОВА

ХАРЬКОВСКАЯ ВЕСНА. ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Ночью под окнами моей квартиры разбивали машину. Это была ночь с 13 на 14 марта. Я проснулась от криков, грохота, звона стекла и сразу подумала: “Началось...” В Киеве давно били, крушили, жгли, стреляли. У нас тоже происходили неприятные события, но всё же Харьков жил, трудился, учился в обычном режиме. Казалось даже: а вдруг нас обойдёт?..

Когда подбежала к окну, увидела с третьего этажа в свете одинокого фонаря во дворе убегающие фигуры – ловкие, в куртках с капюшонами. И услышала голоса – возбуждённые, молодые, почти мальчишеские. Мне стало грустно. Я знала и парня, владельца разбитой машины: на ветровом стекле у неё всегда висела георгиевская ленточка. Узнала и погромщиков – мальчишек из нашего двора, нынешних “майданщиков”. Это были мои друзья. Десять лет назад мы с мужем продали большую квартиру в центре города, помогая дочерям решить жилищный вопрос. Себе купили скромную квартиру в “сталинке” на Московском проспекте. Дом находится в районе завода имени Малышева – того самого, где создавались знаменитые танки Т-34. И жили в нём всегда “малышевцы”: рабочие, инженеры, служащие. Но за годы нашей украинской “незалежности” от сорокатысячного славного предприятия остались лишь стены, работает сейчас там хорошо, если три тысячи людей. Остальные были выброшены на рынок. В прямом смысле: недалеко расположен огромный вещевого рынок. Вот там почти все бывшие малышевцы и трудятся нынче: кто – реализатором, кто – в пошивочных мастерских, кто челночничает, кто на паях завёл “своё дело”. Как ни странно, но подобная работа забирает гораздо больше времени и сил, чем “вкалывание у станка”. И никаких социальных гарантий. Вот родители с раннего утра и до вечера – на рынке, а двора – на улице.

Я сразу подружилась с этими ребятами. Моя собака породы курцхаар красиво ловила тарелку-фрисби на лету, и в первый же день во дворе детвора окружила нас. Было им лет по семь-десять – открытые, весёлые, добрые и привязчивые. Стали приходить ко мне, я их угощала, решала с ними логические задачки, играла в литературные игры. Они даже писали мне рассказы. Очень добрые истории и невероятно безграмотные. Дети ходили в украинские школы, дома говорили по-русски, а писать не умели ни на одном, ни на другом языке – вперемежку шли все буквы и слова. Очень скоро я поняла, что практически все они – из неполных семей, а некоторые вообще живут с дедушками и бабушками.

Детям, подросткам нужна организация, ведь они и сами собираются в компании, группы, команды. Для моего поколения, поколения наших детей открыты были бесплатные спортивные секции, кружки, их объединяли пионерская организация, комсомол. Для мальчишек моего двора всё это заменил фан-клуб “Металлист”: огромный стадион “Металлист” с одноимённой командой от нас совсем недалеко. Все мои юные друзья, подрастая, становились футбольными фанатами. Поначалу мне было забавно слышать, как они, собираясь во дворе, дружно выкрикивают речёвки. Но немного мне понадобилось времени, чтобы понять, что эти стишки полны ненормативной лексики и просто агрессивны. А группы мужающих фанатов становились всё обширнее, всё развязнее. И всё-таки когда уже не мальчики, а парни встречали меня во дворе с тяжёлыми сумками, обязательно забирали их, несли к двери квартиры. Но это – по одному, по два. В своих фан-стаях они преображались. Кануло в небытие время болельщиков, которые на стадионах, “болея” за разные команды, сидели рядом и даже не думали колотить друг друга. Сейчас во время матчей цепи милиции и разные секторы чётко отделяют группы фанатов друг от друга.

Нетрудно было мне узнать, что все наши юные фанаты отираются на харьковском “Майдане”. А кое-кто побывал и пожил и на главном Майдане страны – в Киеве. На вопрос “Почему?” мальчишки, которым минуло уже по 18–20 лет, отвечали: “Они же против ментов!” Да, к милиции у фанатов патологическая ненависть – это я знаю. И потом: на Майдане ходят в масках, касках, с цепями и палками – это так интересно! Военная романтика! Они умом ещё совсем пацаны и поэтому думают, что играют в “войнушку”. Но особенно стало захватывающе, когда евромайдановцы захватили-таки здание областной администрации – бывший обком партии.

Это монументальное шестистажное здание, где в советские годы обитало руководство областного комитета компартии. Здание прекрасно вписывается в ансамбль таких же величественных строений, где расположились Госпром, университет, Военная академия, гостиница “Харьков”, обрамляющих нашу знаменитую площадь Дзержинского (последние 20 лет – майдан Свободы). Именно на это здание указывает рука бронзового Ленина на таком же монументальном, самом большом в Украине памятнике. В день, когда экипированные касками, щитами и дубинками люди в масках вломилась в здание, они сразу же объявили, что будут сносить памятник Ленину. И тут же пригнали на площадь кран. Они чувствовали себя победителями и хозяевами не просто так: в этот день, 22 февраля, в Киеве произошло то, что называется “насилованным захватом власти” или “военным переворотом”.

Мы, харьковчане, оказались к этому не готовы. Ведь с начала года у нас разыгрывался совсем другой сценарий...

В январе уже было ясно, что Майдан в Киеве – не стихийное протестное образование, а хорошо продуманный и организованный акт. И всё больше пугала наглюющая, не скрывающая своей ненависти ко всему русскому, выпущенная в свет бандеровская сила. Молодые ребята, потомки вояк из УНА и ОУН, громили в городах западной Украины здания, дома, памятники. И уже по улицам Киева, Одессы, Чернигова ходили отряды, оружие речёвку “Бандера приїде – порядок наведе! Буде вільна Україна, буде ненька самостійна! Москалів – на ножі!” Вывешивались листовки: “Москалі та жидва, чекайте. Вже скоро!!! Хоч би в крові по коліна, або вільна Україна”. И уже кричали в телевизионные камеры, не скрываясь, что нас вырежут поодиночке, что поставят нас “на коліна”, что мы, не чистокровные украинцы, будем у них слугами.

Вот тогда, в те дни, харьковские руководители стали настоящими лидерами для всей Восточной Украины. В интернете самыми популярными были видеоролики, где губернатор Михаил Добкин смело и резко осаживает самых оголтелых деятелей оппозиции, заявляя, что не будут на наших улицах носить портреты Бандеры и Шухевича, что не позволит он оскорблять наших фронтовиков и трогать наши памятники. А Геннадий Кернес, мэр Харькова, высмеивал перед телекамерой лживых журналистов лживых украинских СМИ. И это были не просто слова: когда в Харькове была направлена из Киева колонна автобусов с боевиками из западных областей, их на подступах встретили и развернули отряды харьковской самообороны, организованные губернатором и мэром. А 1 февраля у нас собрались на съезд делегаты областных организаций Партии регионов – не только востока, но и запада Украины. Это был

праздник. И, между прочим, именно делегаты этого съезда впервые с начала событий на Украине надели георгиевские ленточки, чётко определяя свою идеологию, свои традиции. Те самые ленточки, которые потом носили в Крыму, которые 17 марта в Москве надели все, кто присутствовал на подписании договора о вхождении Крыма в Россию...

Люди поверили, что мы, Восток страны, — сила, что созданный нами “Украинский фронт” сможет противостоять фашистской *навале*. Мы проведём референдум, получим статус федерации для наших русскоязычных областей, станем сами решать, на каком языке разговаривать, каких героев чтить, с кем заключать выгодные экономические союзы. В конце концов, был же прецедент в истории: Донецко-Криворожская советская республика в 1918–1919 годах в составе Украины со столицей в Харькове. Она просуществовала недолго, и её создатель и руководитель Артём был категорически против ликвидации ДКСР. Умный человек был большевик Фёдор Сергеев, носивший партийную кличку Артём, жаль — очень рано погиб... Или был устранён.

И тут приходит на память другой умный человек — харьковчанин Евгений Кушнарёв. Дважды он был мэром Харькова, избирался губернатором, депутатом Верховного Совета Украины. Кушнарёв был яростным противником “оранжевой революции” 2004 года. Ещё тот, первый Майдан он назвал “тщательно подготовленным и великолепно профинансированным государственным переворотом”. Пытаясь остановить *оранжевую напасть*, он стал одним из организаторов Северодонецкого съезда. Там он произнёс речь, которую я хотела бы процитировать полностью. Но ограничусь фрагментом: “Мы хотим жить в государстве, где каждый человек защищён. Защищены его права, его культура, его язык, его история, его традиции и его обычаи. Мы понимаем, что Восток имеет серьёзнейшее отличие от Галичины, мы не навязываем Галичине наш образ жизни, но мы никогда не позволим Галичине учить нас, как нужно жить!.. И я хочу напомнить горячим головам под оранжевыми знаменами: от Харькова до Киева — 480 километров, а до границы с Россией — 40!”... Десять лет прошло, а как всё актуально сегодня!

Кушнарёв был автором проекта Юго-Восточной Украинской Автономной республики, последовательным сторонником федерализации Украины. И тоже рано погиб: в январе 2007 года был смертельно ранен из огнестрельного оружия во время охоты в лесах Харьковской области. Убийство по неосторожности — таков был официальный вывод. Но харьковчане и сейчас убеждены: Евгений Кушнарёв имел все шансы стать следующим президентом Украины, потому и был убит.

* * *

В ночь с 14 на 15 марта в Харькове гражданское противостояние ступило на порог гражданской войны: бой на улице Рымарской и первые две смерти. Всё началось на площади Дзержинского, у памятника Ленину.

Противостояние начиналось именно у этого памятника. Когда 22 февраля приехал кран, чтобы сдёрнуть с пьедестала восьмиметровую фигуру вождя, харьковчане к этому были готовы. Большая толпа людей с георгиевскими ленточками не позволила сделать то, что сделали с памятником Ленину в Киеве и некоторых других городах. Кран уехал, а вокруг бронзовой фигуры установили решётки заграждения и разбили палаточный лагерь. Каждый день, особенно к вечеру, здесь собиралось множество защитников памятника, на ночь оставались активисты. Февраль, ещё зима, холодно. Через площадь, в тёплом здании бывшего обкома, с комфортом жили захватчики-евромайдановцы. А у памятника топили печки-буржуйки, спали на карематах, кутались в одеяла, куртки, телогрейки. Люди со всего города несли ребятам вещи и одежду, продукты и питьё.

Я не раз в эти последние февральские дни приходила на площадь. На крыльце облминистрации сновали люди в масках и касках — выходили проветриться, поразмахивать чёрно-красными и сине-жёлтыми флагами и вновь возвращались в тёплое здание. Их охранял кордон милиции в несколько рядов. Той самой милиции, которая, по всем законам, должна была бы их выгнать отсюда. Но всё происходило наоборот: в здание не пускали желающих это сделать. Королевство Кривых Зеркал!

Палаточный лагерь у памятника охраняли только его обитатели, над ним развевались украинские, сине-жёлтые флаги. Но был и российский триколор, и флаг Беларуси, и красный советский, и с гербом Харькова. И много было плакатов, в большинстве своём написанных просто от руки: “Защитим Харьков от вандализма и беззакония!”, “Сегодня толпа решает снести памятник, а завтра — твой дом”, “За двуязычие!”, “Харьков — не Киев”, “Осторожно! Фашизм на “ZZвободе”!”... Здесь не было масок и касок.

Мне захотелось сделать снимки, но я не знала, захотят ли ребята попасть в кадр. Спросила у парнишки, как раз подошедшего к решётчатой ограде, он засмеялся:

— Фотографируйте, мы лиц не прячем.

Подошла женщина с сумками, спросила, куда отдать вещи и продукты. Тот же мальчик ответил:

— Вещи я могу взять, а продукты отнесите в ту палатку, там наши медики их проверят. — И объяснил:

— Нам уже передавали отравленную воду и наколотую чем-то колбасу. Теперь всё проверяем.

Я запомнила это юное лицо — большие глаза, тёмные кольца волос, белозубую улыбку... 17 марта в харьковской газете увидела фотографию одного из убитых на Рымарской, и узнала того самого парнишку. Артём Жудов, 19 лет...

К 14 марта много чего произошло в городе, я вернусь потом к тем событиям. Но не было уже в здании обладминистрации захватчиков, убранный был и палаточный городок у памятника Ленину. Однако защитники его, опасаясь всё же покушений, собирались тут вечерами. Я слышала, как молодёжь с добрым юмором говорит: “Пошли к дедушке Воле”. Мы в своё время говорили “дедушка Ленин”, а они — более фамильярно, но и более по-домашнему. Вечером, уже в десятом часу, 14 марта в группу молодых ребят у памятника на скорости въехал автомобиль-пикап тёмно-синего цвета. Кто-то отскочил, кто-то упал, а машина сбила ограду, из открытого окна в людей брызнули газом из баллона и — попытались уехать. Но два парня оказались с мотоциклами, вскочили и погнались за автомобилем. А на асфальте остался сбитый при наезде на ограду номер с заднего бампера. И тут сразу несколько человек узнали машину — та самая! Тот самый синий пикап “Фольксваген”, молдчики из котлорого избили троих активистов нашего митинга за несколько дней до этого, 8 марта. Так получилось, что я видела это своими глазами, и автомобиль тоже.

Митинг уже заканчивался, когда позвонил муж. День был праздничный — всё-таки 8 марта, — но он работал. Сказал мне, что освободился и уже подъезжает. Мы договорились встретиться недалеко от площади, в кафе. Я пошла мимо гостиницы “Харьков” в сторону проспекта Правды. И увидела, как затормозила тёмно-синяя машина, выскочила целая команда парней в масках, с прутьями в руках. Они мгновенно оказались рядом с другой припаркованной машиной и стоящими рядом тремя мужчинами. Я тогда не знала, что эти трое — организаторы митинга, но видела, что на них такие же георгиевские ленточки, как и на моей куртке... В оцепенении я смотрела, как людей избивают, потом раздался выстрел. И сразу же команда в масках запрыгнула в свой пикап, и автомобиль рванул прочь. Отчаянно кричали женщины, от площади бежали люди... Кто-то из окружающих запомнил номерной знак машины, его сообщили милиции. Но, как выяснилось позже, никто даже не искал её. А зачем? И так знали, что это автомобиль людей из “Правого сектора”, а им дозволено всё. Как раз в эти же дни в Киеве вооружённая банда “Правого сектора” захватила банк, покуражилась там, как хотела, а потом в присутствии милиции вышла и удалилась, даже не подумав сдать оружие — автоматы Калашникова...

Прошла неделя, и вот тот самый тёмно-синий автомобиль, с теми же номерами, появился на площади, у памятника Ленину. Мотоциклисты проследили за ним до улицы Рымарской, увидели, как он въехал во двор дома номер 18. Я сама несколько лет жила на этой улице — одной из центральных улиц Харькова, застроенной старинными домами. Жила как раз в доме номер 19 — напротив. И хорошо знаю 18-й дом — двухэтажный особняк с аркой, которая ведёт во внутренний двор. Здесь давно уже располагался офис харьковского отделения общества “Просвита”.

Два слова об этой всеукраинской организации. Она возникла ещё в середине XIX века во Львове. Главная цель – просвещение народа с целью пробуждения национального самосознания. В 1939 году была закрыта, в 1989-м – возродилась. Харьковская “Просвита” поначалу занималась пропагандой украинской литературы, истории. Но в последние годы её покинули многие члены – научные работники, преподаватели, писатели, потому что руководить ею стали “свободовцы” и их молодёжная организация “Патриоты Украины”. А во времена Евромайдана здесь расположился ещё и “Правый сектор”... Вот сюда и примчался автомобиль с нападавшими. От памятника Ленину до Рымарской всего-то – парк Шевченко перебежать. Для крепких парней это минут семь. Что они и сделали после звонка мотоциклистов, да ещё и подкрепление вызвали.

Несколько дней после потрясшего Харьков боя на улице Рымарской наши украинские СМИ рассказывали всей Украине и “доверчивой” Европе, что вооружённые молодчики харьковской самообороны “Оплот” ворвались в здание общества “Просвита”, когда мирные “просвитяне” проводили там своё собрание. (Видимо, в одиннадцатом часу вечера они собрались там почитать вслух стихи!) И что есть раненые и жертвы. Почему-то при этом скромно умалчивая, что двое убитых и около десятка раненых – со стороны нападавших. Харьковчане, между тем, хоронили двоих погибших и знали, что произошло на самом деле. Интервью мэра Харькова Геннадия Кернеса прошло только по местному телеканалу: ещё бы, он ведь рассказал всю правду, тем более что был очевидцем событий.

В здании “Просвиты” и в самом деле собрались, но не “просвитяне”, а бойцы “Правого сектора”. Вооружены были они. И когда осаждающие решили выбить дверь, чтоб добраться до них, из окон второго этажа раздалась автоматные очереди, полетели гранаты и “коктейли Молотова”. В этом штабе был ещё и склад оружия, что показал в дальнейшем обыск. И хотя несколько машин “Скорой помощи” уже увозили раненых (мальчик Артём скончался по пути в больницу), осаждающие не отступили. К ним прибывало подкрепление, было решено не дать боевикам уйти.

В эти дни бывший харьковский губернатор Михаил Добкин находился под домашним арестом в Киеве, мэр Кернес тоже был под домашним арестом, но в Харькове. Их новая власть обвиняла в сепаратизме, собиралась судить. Кернесу сообщили, что на Рымарской идёт бой, и он, преступив запрет, помчался туда. Именно он сумел притушить страсти ребят из самообороны и добиться согласия на переговоры с осажденным “Правым сектором”. По его вызову приехала милиция (до сих пор она просто не вмешивалась в происходящее), и боевики, сложив оружие, вышли с поднятыми руками... По официальным данным, они – 29 человек – находятся в СИЗО, но в городе все знают, что всех их выпустили.

Написала о том, что на Рымарской – первые жертвы противостояния, – и вспомнила. Первая жертва случилась раньше и прошла почти незаметно. 26 февраля в своей квартире была убита Мария Бломериус – одна из самых активных организаторов защиты памятника Ленину. Убита жестоко – многочисленные колото-резанные ранения, – и это даёт повод думать, что не случайно. 65-летняя женщина ещё вместе с Евгением Кушнарёвым создавала молодёжное движение “Вместе – вперёд!”, активно работала в Харьковском отделении Партии регионов. Узнать её адрес было нетрудно, а жила она одна. Уголовное дело об убийстве открыли, но с тех пор – нигде ни слова о следственных действиях... Я не знала Марию Бломериус, но хорошо знала её брата – известного диссидента Генриха Алтуняна, соратника академика Сахарова и генерала Григоренко. В 70-х и 80-х годах он осуждался по политическим статьям, отсидел в лагерях в общей сложности 9 лет. В 90-е годы был народным депутатом Верховного Совета Украины. Генрих Ованесович писал книгу воспоминаний о своей жизни, я её редактировала. Он предлагал мне стать соавтором, я отказалась: идеология разрушителя СССР была мне чужда. Но вообще-то Алтунян был хорошим, весёлым, умным человеком... И вот теперь я думаю: ведь и его лепта есть в том, что происходит сейчас. Раздирая Советский Союз на части, и он, Алтунян, создавал вот это, пронизанное национализмом государство, где убили его сестру, восставшую против национализма. Как всё связано...

Украинские СМИ с самого начала переворота не только нагло ввали, но и разделяли нас, жителей страны. Ребят из городов Востока, которые вынуждены были организовываться в отряды самообороны, защищая нас от нашествия бандеровцев, во всех новостях по всем каналам называли “озброєні звірі”, а майдановцев, превративших центр Киева в горящий ад, — “наші діти”. Мы были сепаратистами, а они — патриотами. Мы, выходящие на митинги с просьбой: “Дайте провести референдум о федерации”, — предатели, *запроданцы*, а их фашистский “Правый сектор”, громящий в Киеве и западных городах магазины и банки — герои. А уж откровенное переверивание всего происходящего стало нормой. 1 марта на площади, которую сейчас харьковчане называют “Свобода имени Дзержинского”, проходил митинг. Очень многолюдный ещё и потому, что была суббота, предпоследний день Масленицы. А Масленицу у нас всегда гуляли на этой площади. После выступления губернатора и мэра, защитников памятника Ленину и военных начался концерт. И тут от здания облминистрации раздались взрывы и выстрелы. Там всё ещё сидели захватчики и не собирались оттуда уходить. Люди от трибуны, среди которых была и я, потянулись туда: интересно же, что эти майдановцы придумали! У милицейского ограждения остановились, снимая происходящее на фотоаппараты и мобильные телефоны. И в это время с крыши здания в нас полетели бутылки с горячей зажигательной смесью, а несколько человек в масках подбежали и через головы милиционеров стали распылять нам в лица газ. Народ взревел: “Да что же это! Сколько можно терпеть!” Шеренга милиции легко пропустила хлынувший к зданию поток...

Воспоминание об освобождении облминистрации — одно из самых эмоциональных для меня за последнее время. Помню всё до мелочей, но расскажу коротко. За двадцать минут наши мужчины голыми руками скрутили вооружённых дубинками, щитами, касками, ножами и баллончиками с газом захватчиков здания. Их было человек сто, они разбежались по всем шести этажам, спрятались по кабинетам, но всех выловили. По живому коридору их вели от входа до трибуны. Мы смотрели на них — жалких, перепуганных, закрывающих лица, и я слышала, как женщины и мужчины говорят: “Господи, совсем дети. Давайте их отпустим!” А с крыши здания ребята размахивали флагами России, над входом повесили копию советского знамени Победы.

Многие были в крови — и пленники, и победители, — многих увезли на машинах “Скорой помощи”. И всех задержанных отпустили. Хотя тогда же в здании нашли оружие и ящики с готовыми “коктейлями Молотова”, и большой мешок со шприцами, заполненными “неизвестным веществом”... А вот на тех ребят, которые за минуты сделали то, что не могли власти и органы правопорядка сделать больше недели, на них-то как раз и завели уголовные дела... Но это было позже — тогда же на площади работало несколько групп операторов. В этот день вечером я видела репортаж российского канала НТВ: всё показали так, как происходило на самом деле. Следом я увидела подачу нескольких украинских каналов. И узнала, что в здание администрации, куда пришли на экскурсию безобидные и беззащитные “наші діти”, ворвались вооружённые громилы в российской военной форме, выбрасывали детей из окон, избивали до полусмерти. И российский триколор на крыше установил гражданин России... Да российскими флагами была расцвечена вся площадь — не счастье! И любой парень, держащий такой флаг, мог водрузить его. Кстати, чуть позже эти же ребята поставили рядом и двухцветный флаг Украины, но об этом почему-то никто нигде не говорил. А “рукой Москвы” так запугали наших телезрителей, что даже я попала под “раздачу”. На митинге 8 марта молодая пара с маленьким ребёнком прислушивалась к разговорам группы людей, и вдруг парень обратился ко мне:

— Вы харьковчанка?

— Да, — ответила я, — коренная.

— Не верю! — категорично заявил молодой человек. — Вы говорите не так, как харьковчане! У вас русский выговор. Вы засланы из Москвы!

Да, выдал меня мой литературный русский язык! Я и в самом деле русский писатель, член СП России. Но я так же и член Национального союза пи-

сателей Украины, потому что родилась и всю жизнь живу в Харькове, здесь выходили мои первые книги, практически все мои герои – харьковчане. И я патриот своей страны. Но моё понимание патриотизма как братства славянских народов, памяти о нашей общей великой истории, перспективе только общего будущего – это преступно в нынешней Украине.

* * *

Мои коллеги, харьковские литераторы, с самого начала возникновения Майдана в Киеве тут же превратились в восторженных его сторонников. Если раньше я никогда не обращала внимания, кто на каком языке пишет – большинство из нас дружили с литстудийской молодости, – то сейчас это стало водоразделом. Украинские письменники ходят к памятнику Шевченко на харьковский Евромайдан, русские писатели – на митинги Антимайдана. Правда, среди пишущих на русском языке единомыслия нет: кое-кто явно или скрытно тянется к сторонникам Евросоюза. Зато украинские коллеги – все как один!

Можно было их понять, когда в Киеве всё только начиналось, возникали первые баррикады, напоминающие Майдан “оранжевой революции”. Но когда события начали раскручиваться очень быстро, когда появились фашистские бандеровские лозунги, запылали “коктейли Молотова”, загремели выстрелы и взрывы, как могли поэты и писатели, большую часть своей творческой жизни называвшиеся “советскими” литераторами, не понять того, что происходит, не осудить?.. Поверьте, я знаю, что говорю: ни один пишущий на русском языке поэт не издавал таких откровенно ура-патриотических стихов – о Ленине, партии, советской Родине, фронтовиках, – как украинские поэты моего города. А уж как клеймили фашизм! Теперь же, с начала “майдановской эры”, они тоже пишут патриотические произведения, наполненные расхожими штампами: “мостили трупами путь в светлое завтра”, “нас продали Москве”, “где вечные Соловки”, “против нас – вооружённые ордынцы”, “через УПА прошли миллионы – Героям слава!” и, конечно же, бесконечное упоминание “голодомора”. Всё это, само собой, на украинском языке, я просто перевела, цитируя.

Да, “фактор языка”, как показали сегодняшние события в нашей стране, оказался решающим. Впрочем, я это почувствовала ещё раньше, в 2009 году. Именно тогда я писала об этом одному писателю из Тернополя. Так получилось, что я прочла его книгу, написанную на прекрасном украинском языке, в интересном жанре – дневниковые записи. По собственному желанию я написала статью-рецензию, послала ему вместе со своей книгой “Звезда предвечерняя”. Получила очень тёплый ответ и тоже рецензию на мою книгу. Причём, рецензия начиналась словами: “Вперше за багато років мені захотілося написати відгук на російськомовну книжку, вперше пишу про автора, політичні погляди якого не співпадають з моїми на всі сто відсотків, але мистецьке слово якого мені близьке і зрозуміле, а світовідчуття суголосне з моїм”. Меня не покоробили эти “сто процентов” несоответствия политических взглядов, наоборот – порадовали искренностью и откровенностью. Мне показалось, что они – как призыв к диалогу. И я, с ответной искренностью и желанием поделиться своими мыслями, написала ответ. Процитирую два абзаца из него:

“...Да, недаром такие споры, ссоры и непримиримые дебаты идут в нашей стране именно по поводу языка. Это и в самом деле непростой вопрос, и решение его непростое. Скажу откровенно, мне не раз, на протяжении всех лет независимости Украины, приходила мысль: а может, напрасно объединили в 39-м году такие разные части Украины в одну? И истории у нас разные, и менталитет, и герои, и язык. И тяга в разные стороны: у кого – к России, у кого – к Польше, Румынии, Венгрии... Возможно, к сегодняшнему времени мы бы также обрели независимость, но как две отдельные страны. Или даже три. И жили бы, налаживая экономические и культурные связи и не имея друг к другу претензий. А что: вот ведь бывшие Чехословакия и Югославия, как оказалось, были так же искусственно и насильно объединены. Теперь каждая их часть – самостоятельно государство.

Возможно, у вас своё и совершенно иное мнение на этот счёт. Я не претендую на истину, а просто рассуждаю. При этом прекрасно понимаю, что у истории нет сослагательного наклонения: “если бы...” Мы – одна страна. Но противоречия между востоком и западом в некоторых вопросах очень

сильны (не смягчило ли бы их федеративное устройство Украины?). Вот и вы свою рецензию начинаете словами о том, что я, автор книги, на сто процентов не совпадаю с вами по идеологии. Меня эта фраза порадовала. Нет, не смыслом её — он печален, — а тем, как открыто и просто вы об этом говорите. . .”

И что бы вы думали, каков был ответ на мою искренность? Никакого! До этого очень приятно и тепло отвечающий мне тернопольский коллега резко замолчал. Ни слова в ответ. Я, конечно, и тогда поняла, что причина — в моих откровениях, которые, судя по всему, очень ему не понравились. Но насколько — это до меня дошло вот в эти дни. Воистину, “Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда!” Было время, мне казалось, что можно преодолеть разногласия. И писательское Слово в этом поможет. Но всё поворачивается гораздо жёстче, и теперь я в этом сомневаюсь. . .

Особенно когда прочла опубликованное 3 марта “Заявление председателя Национального союза писателей Украины Виктора Баранова”. Начиная он, конечно, с осуждения оккупации Россией Крыма. И дальше (цитирую на украинском языке, поскольку не сомневаюсь, что читатели поймут его): “На цьому тлі викликає щонайменше подив недавній візит до Москви групи українських письменників для чергового обіймання з “єдинокровними братами” під претекстом вшанування 200-річного ювілею Тараса Шевченка. . . У цій ситуації вважаю неприпустимою будь-яку участь української сторони у спільних з Росією ювілейних шевченківських заходах. Росія втратила моральне право долучатися до святого для кожного з нас імені Тараса Шевченка”.

Зато совершенно допустимым руководство НСПУ считает публичное выступление Владимира Яворивского, который много лет руководил украинским Союзом писателей. Депутат нынешней Верховной Рады Украины предложил отменить статью 436-1 УК Украины: “Об ответственности за публичное отрицание, оправдание и пропаганду фашизма”. И это — тот самый украинский советский писатель Владимир Яворивский, который в 1979 году в документальной повести “Вечные Кортелисы” клеймил пособников фашистов последними словами: “Полицаи, вся здешняя сволота, мерзость человеческая, пустились в бандеровские банды. А куда же им от людей честных было деться?” Вот ещё цитата: Кортелисы “веками шли к воссоединению с братьями-украинцами, к сентябрю 1939 года”. С освободительным приходом Красной армии в этом селе “сразу же создаются органы Советской власти, и впервые за четыре столетия кортелисы посылают детей в украинскую школу. Впервые получают избу-читальню и бесплатный медицинский пункт. . . Впервые бедняки делят между собой помещичью землю. . .” Мне к этому добавить нечего.

Должна откровенно сказать, что в Харькове много сторонников евроинтеграции, а значит — сторонников Майдана. У мужа и дочери большой круг знакомых и коллег среди художников, архитекторов — там таких хватает. Так же, как и среди офисных работников, менеджеров, компьютерных операторов. . . Ну, хочется им в Европу! И потому они упорно отрицают реальность — совершенно очевидные вещи! В стране произошёл захват власти военным образом — это реальность по всем международным и человеческим нормам. “Нет, — отрицают эти умные и образованные люди, — это мирный протест против преступной власти”. В стране царствует жестокая цензура: все СМИ, подконтрольные хозяевам-олигархам, говорят то, что выгодно власти, идут на откровенный обман и подлог — это реальность. “Нет, — возражают они, — у нас свобода слова”. По улицам столицы и других городов ходят вооружённые банды, с которыми никто не борется, они убивают людей, захватывают теперь уже и предприятия, запугивают, бросают в застенки лидеров протестной стороны — это реальность. “Нет, у нас демократия. . .” Этим людям доступны не только официальные СМИ, но и любые сайты Всемирной социальной сети — интернета. Но они почему-то не читают таких высказываний, как вот это — с официального форума главы партии “Свобода” Олега Тягнибока: “Чтобы создать действительную украинскую Украину в городах Востока и Юга, надо вообще отменить парламентаризм. Запретить все политические партии, запретить ввоз в Украину любой литературы из РФ, запретить печатать что-либо на русском языке. . . Физически ликвидировать всю русскоязычную интеллигенцию (быстро, без суда и следствия расстрелять). Казнить всех главарей антиукраинских партий и организаций, не только пророссийских, но и прорумынских, провенгерских, протатарских. . .” Это доступно в интернете. И это о нас, в том числе и о вас, господа русскоязычные интеллигенты-евроинтегранты. . .

23 марта в Харькове, как всегда, на площади Свободы-Дзержинского был большой митинг. Какой по счёту – я уже сбилась, хотя с самого первого прошёл всего месяц. Да, ровно месяц – 23 февраля люди первый раз собрались у памятника Ленину. Начали мы с просьбы о проведении референдума – демократичного волеизъявления огромного количества народа на огромной территории страны. Нам дали его провести? Теперь даже смешно думать, что те, кто пришел к власти в Киеве, могли это сделать. Те, кто сейчас арестовывает и избивает наших лидеров, вооружает бандитов “Правого сектора”, образывая из них теперь уже “законную” Национальную гвардию. Поразителен по циничности сюжет, промелькнувший в украинских новостях: в Киеве банда вооружённых молодчиков избила жителей одного дома. Приехал по вызову заместитель министра МВД, вывел бандитов. Люди спрашивают его: “Их арестовали? Будут судить?” А он, на ходу оглянувшись, бросил: “Будут родные служить”. Ясное дело – чем не “национальные гвардейцы”!

На этом митинге вспоминали, конечно, погибших на Рымарской ребят – большой стенд с их фотографиями стоял у трибуны. И когда прозвучало: “Мы всегда будем помнить наших товарищей, погибших в борьбе с фашизмом”, – у меня по щекам потекли слёзы. Я не плакала, а слёзы катились. Боже мой, кто бы мог такое представить: на нашей земле неделю назад парнишка 19 лет погиб в борьбе с фашизмом!..

Не будет нам ни референдума, ни федерализации. А будет и уже есть героизация Бандеры, вояк УНА, воинов Майдана и “Правого сектора”, отмена праздника Победы. А в дальнейшем – полное изъятие русского языка из вузов, школ и, думаю, даже детских садиков. Базы НАТО на наших территориях, полное отсутствие промышленности, урезание пенсий, двукратное повышение квартплаты... Мы так соперничали Крыму и откровенно радовались, что у них всё получилось. Они шли до конца, и их поддерживала Россия, теперь они – часть её. А у нас – ощущение того, что мы в своей стране чужие. Мы ещё ходим на митинги, вот и на последнем, 23 марта, решено все разрозненные силы сопротивления объединить в одну партию. Приняли резолюцию-ультиматум к городским и областным властям: провести 27 апреля региональный референдум... Мне горько слышать упреки в сторону харьковчан: вот, мол, вы не можете себя защитить, бороться, заставить с собой считаться. Нет, мы многое делаем – то, что возможно. Но ведь мы – мирные, гражданские люди, у нас нет оружия, нет воинских формирований, нет наглости, беспредела. Так же, как у наших единомышленников из Донбасса и Луганска, хотя они и активнее, и многочисленнее, но в том же беззащитном положении. И всё сильнее ощущение того, что нас бросили...

Сейчас у нас, в Украине, наверное, у каждого есть свой прогноз на будущее. Есть и у меня. Но я не стану его озвучивать: возможно, это просто смесь из желаний и надежд, страха и разочарования. Я лучше приведу цитату из очень мне понравившейся книги “Мечеть Парижской Богоматери” Елены Чудиновой. Давно знаю, что лучшие предсказатели будущего – это писатели-фантасты. Лучше всяких политологов, астрологов, экстрасенсов...

“Наособицу стоит среди исламских стран Турция, так и не пожелавшая изменить свой традиционный статус светского государства. Что, конечно, не помешало ей на правах сильного вспомнить о старом договоре с царской Россией и преспокойно откусить у Украины Крым. Ну да, от хохлов сейчас только беззубый не кусает. На русских территориях протекторат, там войска. И какая-то дикая Сечь посреди XXI столетия на независимых территориях. Рисовать карту бесполезно, власть меняется с христианской на мусульманскую и наоборот что ни день. Не то что в каждом городе, в каждом селе. Впрочем, внешне сразу и не скажешь, на чьей улице праздник: странная привычка у хохлов – воевали с ляхами, походили на ляхов, теперь от мусульман не отличишь, разгуливают в банданах, бороды поотпускали. Электричество дают раз в месяц, в городах, понятно. В сёлах нету даже керосина. Куда умней оказались в своё время белорусы, вовремя вошедшие в состав России”...

Остросюжетный роман-прогноз “Мечеть Парижской Богоматери” написан в стиле “антиутопия”, события в нём происходят в 2048 году. Издана книга в 2005-м... Да, немного ошиблась писательница в субъекте отторжения Крыма, но главное точно предсказала: не быть Крыму украинским. И не мчится ли Украина семимильными шагами к тому самому будущему – к дикой Сечи посреди XXI столетия на независимых территориях? Или к чему-нибудь похуже...